

та). Ему подчиняются те «двадцать тысяч обреченных», которых можно послать на смерть «из-за пучка соломы». Его придворные готовы выполнить любое желание властителя. А в финале существования этого мира все основные персонажи тоже оказываются убиты, хотя никто на них не нападал. Они, как сыновья Дадона, «побили» друг друга. «Дальнейшее — молчанье». Мир «Гамлета» тоже приходит к саморазрушению — просто потому, что он *такой*.

«Гамлетовский» пласт в «Золотом петушке» позволяет понять и пушкинскую «притчу», акцентированную в заключительном «пуанте», запрещенном цензурой. «Намек», из которого следует извлечь «урок», — это как раз суждение о противоестественном устройстве мира, который лишь на первый взгляд предстает спокойным и «обыкновенным»: «Какая-то в державе датской гниль».

Ф. Раскольников считает, что в «Золотом петушке» Пушкин представил одну из вариаций на тему «о бессилии человека перед иррациональным», демонстрирующую его восприятие жизни и истории как «игрлица таинственной игры».¹⁹ Пушкин действительно представил в сюжете сказки «необъясненное» сочетание фантастических и алогичных событий. Но в данном случае для него особенно важно, что события эти происходят в реальном — и изначально «неправильном» — мире, где «распалась связь времен».

Непосредственный сюжет «Гамлета», спроецированный на «простонародную сказку», Пушкин собирался развернуть в том произведении, которое замыслил уже после «Золотого петушка». В последнем было констатировано то состояние мира, которое порождает подобные «гамлетовские» мотивы не только «в датском королевстве», но вплоть до «тридевятого царства»...

¹⁹ Раскольников Ф. Указ. соч. С. 153—154. См. также: Эпштейн М. Медный всадник и золотая рыбка: Поэма-сказка Пушкина // Знамя. 1996. № 6. С. 204—215.

© С. В. Березкина

ИСТОРИЯ ЭПИГРАММЫ ПУШКИНА «ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗВЕСТИЕ»

«Литературное известие» входит в обширный ряд эпиграмм Пушкина на его давнего Зоила — редактора журнала «Вестник Европы» М. Т. Каченовского. Вот текст этой эпиграммы:

В Элизии Василий Тредьяковский
 (Преострый муж, достойный много хвал)
 С усердием принялся за журнал.
 В сотрудники сам вызвался Поповский,
 Свои статьи Елагин обещал;
 Курганов сам над критикой хлопочет,
 Блеснуть умом Письмовник снова хочет:
 И, говорят, на днях они начнут,
 Благословясь, сей преполозный труд, —
 И только ждет Василий Тредьяковский,
 Чтоб подоспел (Михайло Каченовский).

Каченовский в эпиграмме Пушкина представлен в образе издателя элизейского журнала, готового сотрудничать с давно ушедшими из жизни писателями, ничего уже в глазах современного поэту читателя не значащими. Среди сотрудников элизейского журнала Пушкин упомянул И. П. Елагина (1725—1793), богатого вельможу, масона и театрального деятеля, в конце жизни историографа. В глазах

«арзамасцев» это была весьма одиозная фигура. В 1819 году историографические работы Елагина (вероятно, именно их имел в виду Пушкин, говоря о статьях, которые Елагин «обещал» Каченовскому) были подвергнуты Карамзиным критике в связи с попытками их полного издания.¹ Неудивительно, что в статье Вяземского «О жизни и сочинениях В. А. Озерова» (1817) отзыв о Елагине дан в самом уничижительном тоне.²

Очень невысокого мнения придерживался Пушкин и о таком памятнике литературы XVIII века, как «Письмовник» Н. Г. Курганова (это была своеобразная хрестоматия образцов самых разных родов и жанров). Роль, которую сыграл «Письмовник» в истории русской культуры, с сочувствием отмечалась некоторыми современниками Пушкина, но не им самим. А. И. Кирпичников считал, что в «Истории села Горюхина» (1830) Пушкин, разделявший свойственное близкому ему кругу предубеждение против «Письмовника», «наклеил насмешливый ярлык на книгу Курганова».³ В глазах поэта «Письмовник» имел ярко выраженный социальный ореол и говорил о пристрастиях литературно неразвитой среды.⁴ Несколько иного плана были два других упомянутых в эпиграмме имени — Н. Н. Поповского (1726 или 1728—1760) и В. К. Тредиаковского (1703—1768). Поповский — поэт, переводчик, профессор Московского университета, любимый ученик Ломоносова, рано скончавшийся.⁵ Это фигура очень достойная, и, думаю, в эпиграмму Пушкина он попал «ради красного словца» — из-за красноречивой фамилии, рифмующейся и с Тредиаковским и с Каченовским. Что же касается Тредиаковского, то отношение к нему Пушкина было очень сложным. Долгое время он был для Пушкина символом всего самого бездарного и архаичного в поэзии. Однако в 1830-х годах поэт изменил свой взгляд на Тредиаковского, оценив его вклад в историю русской культуры.

«Литературное известие» было напечатано в начале 1829 года в альманахе «Подснежник» с примечанием издателя: «Чувствительно благодарим почтенного Александра Сергеевича за сие известие и нетерпеливо ждем первой книжки элизейского журнала». В своем сборнике стихотворений 1832 года Пушкин поместил «Литературное известие» в отделе 1829 года. Под этим годом эпиграмма дальше и печаталась, не вызывая никаких сомнений относительно года своего написания, поскольку комментаторам Пушкина представлялась самоочевидной ее связь с известной историей между Каченовским и Н. Полевым конца 1828-го—начала 1829 года. История началась с публикации Каченовского, который напечатал напыщенное, гордое, с выпадами в адрес своих литературных оппонентов объявление о планах на 1829 год руководимого им журнала. Николай Полевой не отказал себе в удовольствии и хлестко высмеял на страницах «Московского телеграфа» претензии Каченовского на какие-то особые заслуги в области литературы и науки. Каченовский подал жалобу в цензурный комитет, однако ее после рассмотрения сначала в Москве, а затем и в Петербурге отклонили. Казалось бы, связь «Литературного известия» с этой историей несомненна — и там и здесь все крутится вокруг объявления о выходе журнала Каченовского.⁶ Подтверждали это и воспоминания А. И. Подолинского,

¹ О Елагине см.: *Словарь русских писателей XVIII века*. Л., 1988. Вып. 1. С. 304—309 (статья В. П. Степанова); *Моисеева Г. Н.* «Опыт повествования о России» И. П. Елагина в оценке Н. М. Карамзина // XVIII век. Л., 1989. Сб. 16. С. 104—109.

² *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1878. Т. 1. С. 27.

³ *Кирпичников А. И.* Очерки по истории новой русской литературы. 2-е изд. М., 1903. Т. 1. С. 40, 41.

⁴ О Курганове см.: *Словарь русских писателей XVIII века*. СПб., 1999. Вып. 2. С. 171—174 (статья В. Д. Рака).

⁵ См. о нем: *Модзалевский Л. Б.* Ломоносов и его ученик Поповский (О литературной ответственности) // XVIII век. М.; Л., 1958. Сб. 3. С. 111—169; *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 2. С. 473—477 (статья Н. Д. Кочетковой).

⁶ При этом, однако, следует заметить, что со статьей-объявлением Каченовского содержание пушкинской эпиграммы точек соприкосновения не имеет. Исключение в ряду комментариев эпиграммы составляет работа П. О. Морозова, который отнес ее к 1825 году в изд.: *Пушкин*. Соч. Пг., 1916. Т. 4. С. 31—32.

напечатанные в 1872 году: «Однажды у Дельвига, проходя гостиную, я был остановлен словами Пушкина, подле которого сидел Шевырев: „Помогите нам состряпать эпиграмму...” Но я спешил в соседнюю комнату и упустил честь сотрудничества с поэтом. Возвратясь к Пушкину, я застал дело уже оконченным. Это была знаменитая эпиграмма „В Элизии Василий Тредьяковский...” Насколько помог Шевырев, я, конечно, не спросил». ⁷ Вечер у А. А. Дельвига упоминается как «вчерашний» в письме С. П. Шевырева к М. П. Погодину от 25 февраля 1829 года: «Пушкин мне очень обрадовался. Он весьма ласков». ⁸ Воспоминания Подолинского и письмо Шевырева дали основания для уточнения датировки эпиграммы «Литературное известие», отнесенной в Большом академическом собрании сочинений Пушкина к 24 февраля 1829 года. ⁹

Ошибочность этой датировки стала ясна после публикации в 1952 году Р. Б. Заборовой письма А. И. Тургенева от 28 мая 1825 года. В нем Тургенев писал А. Я. Булгакову о Пушкине: «Он послал, чрез брата, Вяземскому две эпиграммы с позволением напечатать, где угодно. Кажется, в одной собрал он всех дурных литераторов и заставил издавать журнал для мертвых, и кончил так: И только ждет Василий Тредьяковский, Чтоб подоспел Михайла Каченовский!» ¹⁰ Помимо ссылки на текст «Литературного известия», в письме содержится упоминание об еще одном стихотворении Пушкина, а именно об эпиграмме на Каченовского «Жив, жив Курилка!». Обе эти эпиграммы А. И. Тургенев записал затем на отдельном листке, сохранившемся в составе Остафьевского архива, приписав под текстом: «Вот вам еще стихи б(ольшого) (?) брата сего дня полученные. Не решили ль чего об отъезде в Петербург 9-го? Пятница, вечер». Приписка и варианты текста «Литературного известия» по копии Тургенева были напечатаны Т. Г. Цявловской в Большом академическом собрании сочинений Пушкина, ¹¹ однако расшифровать дату этого документа сумела лишь Заборова, установившая, что «пятница» — это 29 мая 1825 года, т. е. следующий день после того, как А. И. Тургенев написал письмо А. Я. Булгакову. ¹²

Сохранился автограф письма, в котором Пушкин послал брату из Михайловского эпиграмму «Жив, жив Курилка!». Датируется письмо первой половиной мая 1825 года. Другой эпиграммы в нем нет, но, судя по сообщению А. И. Тургенева от 28 мая, именно к этому письму Пушкина был приложен, по-видимому на отдельном листке, текст «Литературного известия». О датировке его можно сказать следующее. Вероятнее всего, «Литературное известие» было создано почти одновременно с эпиграммой про «Курилку». Уже завершив письмо к брату, Пушкин увлекся замыслом новой эпиграммы, которую успел записать на отдельном листке и вложить в один конверт с этим письмом. Таким образом, «Литературное известие» следует, как и письмо к Л. С. Пушкину, датировать первой половиной мая 1825 года.

Пересмотр датировки произведения стал возможен после публикации Р. Б. Заборовой. Она была учтена в справочном томе академического издания, где указано на ошибочность отнесения к 1829 году эпиграммы «Литературное известие»; на основании новых данных произведение датировано в справочном томе 1—15 мая 1825 года. ¹³ Как же в таком случае отнестись к сообщению в воспоминаниях

⁷ Цит. по: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Сост., подг. текста и коммент. В. Э. Вацуру, М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович и др. М., 1985. Т. 2. С. 145.

⁸ Лит. наследство. 1934. Т. 16—18. С. 703.

⁹ Пушкин. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1949. Т. 3. С. 1178 (комментарий Т. Г. Цявловской).

¹⁰ Лит. наследство. 1952. Т. 58. С. 48.

¹¹ Пушкин. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 3. С. 721, 1178.

¹² Лит. наследство. Т. 58. С. 49.

¹³ Пушкин. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 17, справочный. С. 26.

Подолинского? Может быть, это была простая ошибка?¹⁴ Как показали разыскания Н. А. Карпова, проделанные в шевыревском архиве, вовсе нет. Находясь в Италии, Шевырев получил от Погодина письмо с пересказом уже появившейся в печати эпиграммы «Литературное известие», о которой написал в ответе от 22 июня 1829 года, что она была при нем «полусделана».¹⁵ Значит, Подолинский не ошибся, но тогда что же произошло на вечере у Дельвига 24 февраля 1829 года? Думаю, Пушкин мистифицировал Шевырева. Ему почему-то было нужно, чтобы через Шевырева в Москве узнали об эпиграмме на Каченовского как о свежеспеченной новинке. Подобного рода мистификации, когда уже написанные произведения выдавались Пушкиным за вновь созданные экспромты, известны из биографии поэта. Так, А. О. Смирнова утверждала, что стихотворение «В тревоге пестрой и бесплодной...» (1832) было написано у нее в гостинной.¹⁶ Этот беловой автограф, действительно, сохранился в составе ее альбома, хотя черновой автограф стихотворения свидетельствует, что создавалось оно за рабочим столом поэта и что он упорно трудился над ним, сглаживая выражения, которые могли бы обидеть Смирнову в характеристике ее меткого и нередко злого слова.

После публикации Р. Б. Заборовой судьба «Литературного известия» складывалась в пушкинских изданиях странным образом. Так, в изданиях Б. В. Томашевского никаких изменений в датировку эпиграммы после 1952 года внесено не было, и она продолжала печататься под 1829 годом.¹⁷ Лишь в изданиях, где корпус стихотворений готовила Т. Г. Цявловская, «Литературное известие» переместилось из 1829-го в 1825 год (это десятитомные пушкинские издания Гослитиздата 1959—1962 годов и издательства «Художественная литература» 1974—1978 годов). Но вот что удивительно: даже после выхода этих десятитомников издания, ориентировавшиеся на так называемое Малое академическое собрание сочинений Пушкина под редакцией Томашевского, продолжали воспроизводить одну и ту же ошибку, датируя эпиграмму 1829 годом. Эта ошибка встречается и во множестве исследований, причем очень авторитетных авторов.

В изданиях Гослитиздата и «Художественной литературы» эпиграмме «Литературное известие» Т. Г. Цявловская дала небольшой и, к сожалению, неполный комментарий.¹⁸ Эпиграмма, выведенная из контекста ссоры Каченовского с Николаем Полевым, ставила исследователей перед вопросом: а где тайлось зерно замысла эпиграммы? Какая из публикаций «Вестника Европы» побудила Пушкина взглянуть на Каченовского как на главу «елизейского журнала»? Вот вопросы, на которые хотелось бы ответить в настоящей статье.

Замысел эпиграммы «Литературное известие», по-видимому, был связан со статьей, появившейся на страницах журнала Каченовского в ноябре 1824 года. Это был перевод статьи Н. И. Вахтина «*Quelques notes d'un Russe, présentement à Paris, sur l'Anthologie russe de M-r Dupré de Saint-Maure*» («Несколько замечаний русского, находящегося в Париже, на Российскую антологию г-на Дюпре де Сен-Мора»), напечатанной незадолго до этого во Франции в журнале «*Mercure du XIX siècle*» (1824, т. 6, 7). В «Русской антологии» (1823) Э. Дюпре де Сен-Мора, которую рецензировал Бахтин, была дана биографическая справка о Пушкине с переводом отрыв-

¹⁴ Так, например, считал В. Э. Вацуро; см.: Вацуро В. Э. «Северные цветы»: История альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978. С. 165—166.

¹⁵ Карпов Н. А. Пушкин в итальянских письмах С. П. Шевырева к М. П. Погодину // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2002. Вып. 28. С. 208.

¹⁶ Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / Подг. текстов и комм. М. А. Цявловского, Л. Б. Модзалевского, Т. Г. Зенгер. М.; Л., 1935. С. 659. Ср.: Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания / Изд. подг. С. В. Житомирская. М., 1989. С. 25, 284.

¹⁷ См., например: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. М.; Л., 1956. Т. 3. С. 109, 497.

¹⁸ См., например: Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М.: Худож. лит.-ра, 1974. Т. 1. С. 556.

ка из поэмы «Руслан и Людмила» и хвалебным отзывом о «Кавказском пленнике». Этот материал в рецензии Бахтина упомянут не был. О творчестве Пушкина Бахтин высказался самым сдержанным образом, поставив «Руслана и Людмилу» в один ряд с бурлескными поэмами В. И. Майкова «Елисей, или Раздраженный Вахх» (1771) и Н. П. Осипова «Вергилеева Энейда, вывороченная наизнанку» (ч. 1—4 — 1791—1796; ч. 5—6, написанные А. М. Котельничским, — 1802—1808). Оценка, данная пушкинскому произведению, вызвала возмущение Н. А. Полевого, выраженное со страниц «Московского телеграфа» в марте 1825 года.¹⁹ Возможно, именно реплика Полевого заставила Пушкина обратить внимание на публикацию статьи Бахтина в «Вестнике Европы».

Работа Бахтина производила крайне архаичное впечатление: в ней восхвалялись «пиитические порывы и сила страстей» Сумарокова, оды Василия Петрова ставились вровень с одами Ломоносова и даже выше их «по духу пиитическому», а трагедии Грузинцева и Крюковского объявлялись несправедливо забытыми составителями «Русской антологии».²⁰ При этом Бахтин демонстративно отворачивался от творчества своих современников — «господ Н. Н. Н. и проч.», что с большим злорадством было отмечено Каченовским в примечаниях к публикации «Вестника Европы».

А теперь самое главное. В «Вестнике Европы» Каченовский напечатал лишь ту часть статьи Бахтина, которая была связана с творчеством литераторов прошлого. В особом примечании была объяснена позиция издателя, т. е. Каченовского, остановившего публикацию статьи перед, как он написал в примечании, «половиной словесности нашей, *еще в живых* находящейся».²¹ Получалось, что «*еще в живых* находящиеся» литераторы Каченовскому были не интересны! Ну, что же, ему оставалось одно: сотрудничать с авторами, пребывающими в Элизии. Вот оно, зерно замысла пушкинской эпиграммы «Литературное известие», высмеивающей омертвелость литературных вкусов Каченовского.

В 1825 году эпиграммы «Жив, жив Курилка!» и «Литературное известие» в печать не попали. Их публикация была доверена Вяземскому, который не сумел ее осуществить по цензурным причинам. «Литературное известие» оказалось востребованным в момент обострения конфликта между Николаем Полевым и Каченовским. Положение оказалось для Пушкина настолько невыгодным, что он, готовя в 1832 году третью часть своих стихотворений, постарался закрепить за «Литературным известием» не соответствующую истине датировку. В том же 1829 году он попытался еще раз использовать схожий с эпиграммой сюжет в наброске статьи «Общество московских литераторов», которая осталась незавершенной: «Несколько Московских литераторов, приносящих истинную честь нашему веку как своими произведениями, так и нравственностью, видя беспомощное состояние нашей словесности и наскуча звуками кимвала звенящего, решились составить общество для распространения правил здоровой критики Курганова и Тредьяковского, и для удержания отступников и насмешников в границах повиновения и благопристойности».²²

«Прелестное литературное извещение» об издании «Елисейского журнала» было отмечено в одной из рецензий на «Подснежник» журнала «Атеней».²³ Вторая рецензия того же журнала, напротив, выражала сомнение в присутствии «пиитического, изящного, благородного» в произведении Пушкина. «Есть еще у нас живые свидетели, — писал анонимный рецензент, — как торжествовал Александр Сумароков над

¹⁹ Московский телеграф. 1825. Ч. 2. № 5. С. 45; перепечатано: Пушкин в прижизненной критике: 1820—1827. СПб., 1996. Т. 1. С. 264.

²⁰ Вестник Европы. 1824. Ч. 138. № 22. С. 105, 108, 113.

²¹ Там же. С. 114.

²² Пушкин. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 11. С. 85.

²³ Атеней. 1829. Ч. 2. № 8. С. 167—170; перепечатано: Пушкин в прижизненной критике: 1828—1830. СПб., 2001. Т. 2. С. 155.

своим современником Михайлою Ломоносовым. Стихотворения одного все знали наизусть, другого почти не читали; казалось, что первый совершенно постигал вкус своего времени, знал требования века, пользовался плодами современного просвещения, и чем же все кончилось? Вкус изменился, и слава Александра Сумарокова пала с шумом; Михайле Ломоносову отдана вся должная справедливость и навсегда, пока будет существовать науки.²⁴ Неслучайным здесь был подбор имен персонажей — «Михайла» и «Александр». Он намекал на противоборство Каченовского с Пушкиным, в котором рецензент предсказывал победу первому как представителю мира «науки». Находчивость рецензента должна была сгладить важную особенность читательского восприятия эпиграммы: вопреки рифменному созвучию «Тредьяковский — Каченовский», имя «Михайло», сохраненное в публикации «Подснежника» (там не было только фамилии), требовало освященного культурной традицией сочетания с фамилией «Ломоносов» (тем более что рядом упоминались его современники). Замена одной фамилии другою призвана была создать комический эффект и указать на подлинный масштаб личности профессора истории Каченовского, кичившегося «научными» основаниями своей литературно-эстетической позиции.

В заключение хотелось бы сказать несколько слов о проблеме, связанной с текстом эпиграммы «Литературное известие». В каком виде следует печатать последний стих эпиграммы? Вот сведения о нем по прижизненным публикациям и копиям. Копия А. И. Тургенева (1825): фамилия адресата дана полностью, имя — «Михайла»; «Подснежник» (1829): в ст. 11 сохранено лишь имя («Михайло»), фамилия же Каченовского заменена астрономом — это звездочка с десятью точками, что в сумме указывает на количество букв в фамилии адресата; копия в цензурной рукописи «Стихотворений Александра Пушкина» (1832): «*** ****» — астроном соответствует количеству слогов в имени и фамилии адресата; «Стихотворения Александра Пушкина» (1832): вместо имени и фамилии Каченовского в ст. 11 шесть звездочек («*** ****»). Астроном «***», данный в издании 1832 года взамен фамилии Каченовского, может быть расценен и как опечатка, и как уступка требованиям цензора, и как выражение авторской воли. Последнее, однако, более вероятно, поскольку подобное решение демонстрирует и текст эпиграммы «Собрание насекомых» (1829—1830) в той же книге Пушкина: после колебаний, отразившихся в более ранних публикациях, поэт в конечном итоге решил «уравнять» в этой эпиграмме фамилии персонажей, дав их все — вне зависимости от количества слогов — под тремя звездочками.

Обратившись к практике современных наиболее авторитетных изданий Пушкина, мы обнаруживаем следующие особенности в публикации текста эпиграммы «Литературное известие». Большое академическое собрание сочинений Пушкина раскрыло астроном Пушкина без каких-либо скобок. По тому же пути пошли десятитомные издания, выпускавшиеся при участии Т. Г. Цявловской. Особую позицию в вопросе о тексте этого произведения занял Б. В. Томашевский, который в ст. 11 считал необходимым сохранить астроном в форме, соответствующей цензурной рукописи его последней прижизненной публикации («*** ****»).²⁵ Эта позиция вполне может быть принята научным изданием, если подобный принцип последовательно будет проведен по всему корпусу произведений Пушкина. Однако на практике принципиальный отказ от раскрытия *всех* зашифрованных Пушкиным имен собственных без отклонений осуществлен быть не может. За всю историю пушкинских изданий это никому не удалось, да и, думаю, не удастся. Каждый случай должен быть рассмотрен в контексте истории конкретного пушкинского текста. В отношении же «Литературного известия» можно сказать следующее. Если в случае с «Соб-

²⁴ Атеней. 1829. Ч. 2. № 8. С. 170—172; перепечатано: Пушкин в прижизненной критике. Т. 2. С. 156.

²⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 3. С. 109.

ранием насекомых» Пушкин рассчитывал на переполох в среде литераторов, которые будут пытаться разгадать его эпиграмму путем подстановки различных имен взамен таинственных звездочек, то, создавая «Литературное известие», он к этому вовсе не стремился. Напротив: по замыслу автора, у читателя не должно было возникнуть даже тени сомнения в том, какое имя нужно поставить взамен звездочек. По моему мнению, в научном издании Пушкина вполне уместно раскрытие в угловых скобках слов «Михайло Каченовский» с указанием формы астронома в «текстологической легенде» эпиграммы и отделе «Другие редакции и варианты». То, что Пушкин, по-видимому, просто пожалел Каченовского, дав в издании 1832 года астроном в каком-то скомканном виде, не свидетельствует в пользу его отказа от самого замысла стихотворения. Вообще же на страницах научных пушкинских изданий сохранение звездочек взамен имен собственных возможно в двух случаях: во-первых, при наличии каких-то сомнений относительно их раскрытия, а во-вторых, когда приходится учитывать принципиальную установку автора на полисемантизм его умолчаний. Ни тот, ни другой случай к тексту «Литературного известия» отношения не имеют.

© А. В. Щеглов

«ГОЛОС» ШЕКСПИРА В РОМАНЕ В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА

Роман «Последний Колонна» (1832—1845), создававшийся Кюхельбекером в годы заключения и ссылки и ставший доступным читателю лишь столетие спустя, в большей степени исследован со стороны проблематики и поэтики, нежели в плане его литературных источников. Между тем роман этот вобрал в себя большое количество «голосов» европейских и русских мастеров слова, начиная от Шекспира и заканчивая В. Ф. Одоевским.

Действие эпистолярного романа Кюхельбекера разворачивается в атмосфере страшных предзнаменований трагической развязки — совершаемого главным героем, итальянцем Джиованни Колонной, убийства Юрия Пронского и его невесты, Надиньки.

Принципиально важное значение имел для автора иррационалистический колорит романа, отразивший влияние на Кюхельбекера произведений Шекспира («Ричард III», «Макбет»), Шиллера («Духовидец»), Гофмана («Песочный человек», «Майорат») и Бальзака (отрывок из романа «Шагреновая кожа»): вещие сны, тревожные предчувствия и страшные предсказания — это и свидетельства предопределения, которое, по мысли Кюхельбекера, господствует в мире, и своего рода «вехи» на пути итальянца к преступлению.

Исследователи отмечали, что «Последний Колонна» в значительной мере автобиографичен.¹ Устами Колонны Кюхельбекер часто выражает собственные мысли, звучащие то как роковое пророчество своей участи, то как умиротворяющий философский монолог. «Предзнаменования — просто тени мира духовного, — записывает в дневнике итальянский художник. — Они отбрасываются в поле, в дорогу времени событиями, из века предопределенными, а потому и неизбежными».² Дневни-

¹ Тынянов Ю. Н. В. К. Кюхельбекер // Кюхельбекер В. К. [Соч.]: В 2 т. Т. 1: Лирика и поэмы / Вступ. ст., ред. и прим. Ю. Н. Тынянова. Л., 1939. С. XXI; Виноцкий И. Ю. Нечто о предвидениях: Истории о русской литературной мифологии XIX века // Учен. зап. Московского культурологического лица. 1998. № 3—4. С. 124—130.

² Кюхельбекер В. К. Соч. / Сост. В. Д. Рак, Н. М. Романов. Л., 1989. С. 393—394. Текст «Последнего Колонны» в данном издании является наиболее точным (см. с. 509 издания). Далее ссылки на это издание в тексте.

ISSN 0131-6095

Русская литература

12

2004

Санкт-Петербург
«НАУКА»

